

Анатолий Демин

ЭПИЗОДЫ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ НАЧАЛА XX ВЕКА

Анатолий Демин

**Эпизоды народной
жизни начала XX века**

«ИТРК»

2020

УДК 82-94
ББК 84(2Рос=Рус)6

Демин А. П.

Эпизоды народной жизни начала XX века / А. П. Демин —
«ИТРК», 2020

ISBN 978-5-88010-723-0

В двадцать одном эпизоде автор подробно и живописно рассказывает о том, как всего лишь сто с небольшим лет тому назад жил русский народ – наши совсем не далёкие предки – на примере тульских крестьян. Замечательным, ярким, образным языком он нарисовал литературные картины по сохранившимся с молодых лет в его памяти воспоминаниям современников ушедшей эпохи – своих престарелых родственников и знакомых стариков. Детальное воспроизведение быта создаёт эффект присутствия в крестьянской среде, а используемый в прямой речи персонажей народный говор позволяет услышать живую народную речь того времени.

Книга может быть полезна и интересна всем, кто хотел бы расширить свои знания о жизни простых людей в России на рубеже XIX-XX веков. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 82-94
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-88010-723-0

© Демин А. П., 2020
© ИТРК, 2020

Содержание

Хороший чай для барина	6
Смотрины	10
За дровами	13
Хлебный день	18
По воду	20
На мельнице	22
Сенокос	26
В голодовку	28
Вокруг русской печи	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Анатолий Демин

Эпизоды народной жизни начала XX века

© Демин А.П., 2020

© Издательство ИТРК, издание и оформление, 2020

* * *

*Посвящается моей бабушке – тульской крестьянке Мироновой
Евдокии Кузьминичне, родившейся в 1889 году и прожившей восемьдесят
шесть лет*

Хороший чай для барина

Помещик Жеребцов Леонтий Аркадьевич, дослужившийся до звания штабс-капитана в пехотном полку, выйдя досрочно в отставку, поселился в своём родовом имении в Тульской губернии, близ небольшой деревни, протянувшейся вдоль живописной речки Пластицы. На берега Пластицы, облюбованные и обжитые восточными славянами ещё в древние времена, были часто, будто бусины на нитку, нанизаны пара сёл, каждое не меньше чем на сотню дворов, и полтора десятка деревень, одна из которых, до того, как крестьянам дали вольную, принадлежала предкам штабс-капитана.

Леонтий Аркадьевич, впитавший науку рачительного хозяйствования на земле ещё в отроческие годы от своего отца, Аркадия Петровича, по прибытии в имение не мешкая с головой погрузился в дела. Прежде всего, после учинённой ревизии, уволил управляющего, нанятого за два года до своей смерти покойным батюшкой и, по сути, безнадзорно радевшего на своей должности больше к своей личной выгоде, чем на пользу поместью. Далее понудил деревенского старосту пересмотреть условия найма на полевые работы подопечных крестьян, обещая для них в будущем немалые прибитки; радикально поменял старые подходы к севообороту и много чего прочего. Словом, приложил свои таланты ко всем сторонам сельской жизни и предпринимательства.

Плоды усилий новоявленного помещика не заставили себя долго ждать, и уже через пять лет он прослыл по всей округе передовым аграрием и примерным семьянином, обзаведясь к тому времени и женой, и двумя прехорошенькими дочками. И всё бы, как говорится, слава Богу, но со временем стала ходить о нём молва как о человеке, непомерно требовательном, чересчур взыскательном ко всякому нанятому работнику, а в особенности к домашней прислуге. Возмущение и даже гнев помещика Жеребцова могла вызвать любая незначительная трудовая оплошность, и даже то, чему иные господа не придали бы решительно никакого значения, он мог почесть совершенно недопустимым и наказуемым – не розгами, как при крепостном праве, разумеется, а штрафным рублём при выплате заработка, но прежде – унижением любыми поносными словами, какие только могли прийти в его возмущённую голову. Дабы живописание этой особенности натуры Леонтия Аркадьевича получило штрих-другой очевидной наглядности и большей убедительности, к месту будет помянуть и несколько случаев из множества подобных, бывших с ним.

Согласно плану переустройства усадьбы, разработанному лично Леонтием Аркадьевичем три года тому назад, пришёл черёд разобрать старый, когда-то срубленный из смолистых сосновых брёвен, но ныне скособоченный, с донельзя прогнившими венцами, уже ни на что не пригодный амбар. Ну вызывает он к себе рано поутру в конторку, где свои бухгалтерские книги держал, денежные расчёты с людishками производил и о делах разговаривал, двух своих работников – братьев Ельцовых Фёдора и Степана, мужиков толковых, работающих, непьющих, оттого и принятых на дворовую службу, и даёт своё им распоряжение:

– Значит так, любезные, старый амбар, что за конюшней, знаете поди?

– Знаем, барин, а то как же.

– Ну вот, амбар сей надо разобрать, гнилые брёвна, доски отвезти в сад и закопать там в низинке, а которые сгодятся на дрова – распилить, расколоть, поленья сложить в дровяник. Даю вам срок два дня. Ступайте!

Через два дня к часу, когда, по разумению помещика, дела с амбаром у Фёдора со Степаном должны были быть уже близки к завершению, отправился он, по своему правилу, провести проверку исполнения хозяйского приказа. Тут надо сказать, что с некоторых пор при Леонтии Аркадьевиче стал состоять и неотлучно находиться рядом в качестве камердинера и телохранителя молчаливый кубанский казак-пластун Мефодий, росту не слишком высокого, но стат-

ный, косой сажени в плечах и силищи непомерной, с густыми чёрными усами с подкрученными и вздёрнутыми кверху кончиками, носивший всегда черкеску с двухрядными газырями и мерлушковую папаху. Подойдя в сопровождении Мефодия к месту, хозяин усадьбы обнаружил приятную глазу картину: амбар был разобран – на его месте темнел прямоугольный участок тщательно выровненной граблями земли; рядом небольшой горкой лежали поленья, наколотые на дрова из пригодных чурбаков, выпиленных из по большей части трухлявых венцов, и не свезённые пока в дровяной сарай, откуда с пустыми тачками в руках поспешали к хозяину братья Ельцовы; в глубине сада виднелась куча гнилушек рядом с выкопанной ямой. «Всё вроде ладно, – вслух тихо озвучил свою мысль Леонтий Аркадьевич, – на совесть сработали братья». И вдруг, неизвестно по какой причине, вздумалось передовому аграрию поближе подойти к груде гнилушек. Подошёл и... обнаружил совершенно непозволительную вещь – среди рыже-коричневого гнилья лежали с десятков чурбаков, в пиленных торцах которых светлели малые пятна здоровой древесины, свидетельствующие о возмутительном факте недобросовестности, лени и расточительности его дворовых мужиков. Ведь из каждого такого чурбака можно было извлечь, должным образом стесав гниль, пусть тоненький, но оттого не менее ценный стержень топлива! А далее последовал неотвратимый разнос нерадивых работников.

– Фёдор, обращаюсь к тебе как к старшему брату, скажи-ка, у тебя с братцем твоим родным вообще какая-никакая совесть есть?

– Никак провинились мы, ваше благородие? Чем только – в толк не возьму.

– Не понимаешь, стало быть?

– Не понимаю, барин!

– А разве не приказывал я, негодяйский олух, всё годное в топку пустить на дрова?

– Дык а мы рази?..

– Молчи, молчи, подлец ты бессовестный! А это что? – направляя свой длинный указательный палец на чурбаки с несгнившими сердцевинами, вопрошал образцовый помещик Жеребцов. – Это что, я тебя спрашиваю?

– Дык чурбаки наскрозь гнилые, барин. Вот мы со Стёпкой их и свезли сюда.

– Наскрозь, – раздражённо, с презрительной гримасой повторил Леонтий Аркадьевич искажённое народным говором слово. – Ах ты, мерзавец распоследний, ты ещё и слепым будешь прикидываться! – Прихватив Фёдора за шиворот, он силой нагнул его к гнилой куче, чуть ни уткнув лицом в один из чурбаков. – Ты, стервец, видишь это? Как же ты можешь проносить лживое своё «наскрозь»? Разве, сукин сын, ты не видишь, что тут в каждом чурбаке годная на дрова серёдка? Вот и получается: нет у вас, братья Ельцовы, ни стыда, ни совести. Вот не доглядел бы я, так и закопали бы хозяйское добро. В общем, так. Чтоб все эти годные в топку серёдки из гнилых чурбаков вытесать, а за разор, который чуть было ни учинили мне, будет вам денежный штраф. И скажите мне спасибо, что не гоню прочь.

Или был вот такой случай. Спиридон Кузовлев сотоварищи подрядился поставить для Леонтия Аркадьевича «оранжерею», как ласково называл замысленное строение помещик, хотя размеров была весьма немалых и трудов предстояло подрядчикам много. Но справился Спиридон с заданием – всё по чертежу хозяина и в срок было исполнено, да так, что и придраться было не к чему. Недаром числился Спиридон лучшим плотником в округе.

Что же, пришёл умелец к заказчику расчёт получить за честно сделанную работу, а тот ему:

– Рано, – говорит, – за расчётом-то пришёл.

– Как рано? – недоумевает Спиридон. – Оранжерею я поставил? Поставил! Гони монету, барин, по уговору.

– Неправильно ты, любезный, договор наш понимаешь. Оранжерею-то ты поставил, а работы не закончил!

Стоит перед Жеребцовым лучший в округе плотник, рот открыв от слов, кои никак не ожидал услышать, а помещик между тем продолжает свою упрёчную речь.

– А кто за тебя, Спиридон, мусор-то убирать будет? У тебя там отёсками, щепой, стружкой чуть ли ни полдвора завалено. Так что пока ты со своими шаромыжниками всё годное для растопки, всё до последней щепки, не снесёшь в дровяной сарай и под метёлку двор не вычистишь – расчёта не получишь.

Жгучая обида взметнулась в душе Спиридона: как это его, известного чуть ли не на всю губернию мастера своего дела, метлу в руки взять понуждают, будто какого-нибудь дворника. «Да деваться, видно, некуда, – думалось ему, – не силком же обещанные деньги выручать. Вон он, Мефодий-то, стоит, zenки свои тарашит. Придётся унизиться».

– Ладно, – говорит, – хозяин. Воля твоя. Исполню всё, как желаешь. Тольки и ты уж потом-то расплатись по чести.

– Ступай, ступай, Спиридон! Да дело делай как следует!

Вернулся славный плотник к своим товарищам с неутешительным докладом. Так мол и так, говорит, не даёт нам Левонтий расчёта, покуда топочный сор со двора не снесём в дровяной сарай и двор не выметем. Посуровели, конечно, артельщики, взроптали от неправой воли заказчика. Всем ведь известно: стройку мастер ведёт, а чистоту и порядок в усадьбах дворян блюдёт.

– Однако, – вразумляет их старшой, – хошь не хошь, а уважить заказчика всё-таки придётся! Значит, так: берём корзины и собираем в них все отёски, стружку, щепки, какие покрупней, относим и вываливаем в дровянике, а протчую мелочь с опилками сметём в одну общую кучу. Дале уж забота дворян должна быть.

Сказано – сделано! Предъявляют подрядчики чисто выметенную приоранжерейную часть двора в предвкушении довольства Леонтия Аркадьевича и, стало быть, честного вознаграждения за труды. Но нет! Опять хозяин поместья оказался недоволен. Обозвал артель сборищем лодырей за то, что не все щепки подобрали, увидев щепочную мелочь в куче опилок и другого сора. Заставил, пригрозив удержанием половины обещанного за оранжерейку заработка, разметать злополучную кучу и собрать в корзину все щепочки вплоть до таких, что размером были не больше ногтя. Тогда только помещик и произвёл расчёт с людьми. Надо сказать, что получил Спиридон Кузовлев сотоварищи всё сполна согласно договору, но вот наниматься к передовому аграрию Жеребцову зареклись впредь на всю свою оставшуюся жизнь.

В качестве последнего мазка в рисуемом портрете Леонтия Аркадьевича Жеребцова упомянем его сугубую требовательность к кушаньям. Тут угодить помещику было до чрезвычайности трудно. Очень часто он признавал блюда то недоваренными или переваренными, то недожаренными или пережаренными, то недосоленными или, наоборот, пересоленными, то недостаточно пропечёнными или не в меру сладкими, а то слишком пресными или чересчур острыми. И много хулы и поношений приходилось выслушивать поварам и кухаркам от барина; иные же из них и вовсе изгонялись с хозяйской кухни не только без единого выходного рубля, но и с направлением по известным всякому русскому человеку адресам.

Да, строг до чрезмерности был штабс-капитан в отставке и в привередливости вряд ли кто-то другой мог дать ему в таком свойстве фору, но при всём том платил он прислуге, коли умела потрафить хозяйским капризам, не в пример другим помещикам, весьма щедро. Оттого, несмотря даже на порождённое народным мнением прозвище Жеребцова Придурковатый, среди местных крестьян всё же считалось большой удачей попасть на службу к его двору. Вот Серафима Григорьевна Матюхина, горничная Леонтия Аркадьевича, и не преминула пристроиться на место подавальщицы свою крестницу – девятилетнюю Евдокию, пригожую лицом, с ангельским голоском и не по годам смышлённую девочку. Между тем карьера прислуги у Дуни в первый же день могла и закончиться, и виной этому чуть не стал обычный чай.

Леонтий Аркадьевич всем другим напиткам предпочитал чай. И, чтобы насладиться им в полной мере, от процесса чаепития его ничто не должно было отвлекать. Поэтому он никогда не совмещал вкушение чая с семейной трапезой за общим столом, а приказывал не реже шести раз за день подавать ему напиток в его кабинет, где только и мог он в полном одиночестве сосредоточить свои органы чувств на восприятии ни с чем не сравнимых вкуса и аромата.

Пришёл час подавать чай барину. На столе в кухне на посеребрённом подносе с вычеканенными райскими птицами уже стояло две чашки свежесваренного чая, молочник с кипячёными сливками и маленькая вазочка с подсолнечной халвой. Дуня взяла поднос в руки и осторожно, чтобы не расплескать, а тем более, упаси Бог, не уронить, понесла его в кабинет, дверь в который предусмотрительно открыл Мефодий. Юная подавальщица, представленная накануне помещику, робко переступила порог.

– Доброе утро! Извольте кушать чай, барин, – произнесла она своим нежным голоском и с поклоном поставила поднос на маленький столик орехового дерева, с затейливыми вензелями на гнутых ножках, стоявший рядом с диваном, на котором с удобством полулежал-полусидел хозяин поместья в длинном халате тёмно-синего бархата и, улыбаясь уголкем рта, смотрел на девочку, стоявшую неподвижно с опущенными глазами в ожидании хозяйского распоряжения.

– Ну, довольно тут стоять-то, ступай на место.

Дуня, поворотившись, уж было пошла, да услышала окрик, от которого у бедняжки душа ушла в пятки.

– Нет, постой! Что же это ты, маленькая негодяйка, подала барину сырой чай? Лень вам там, на кухне, воду вскипятить как следует, да? Где пенка-то? Заруби себе на носу, паршивка: хороший чай должен быть с пенкой! Понятно?

У девочки, никогда прежде не знавшей брани, перехватило горло, и она лишь глядела в ответ глазами, полными слёз, и кивала своей русоволосой головкой.

– А раз поняла, уноси всё обратно!

Вышла Дуня из кабинета ни жива ни мертва, с чайными приборами на подносе в подрагивающих руках. Споткнулась, да спасибо Мефодию, что стоял за дверью, – вовремя поддержал, не дал упасть!

– Что случилось, Дуняша, чем озлила хозяина? – спросил её казак.

Поведала она дяде Мефодию, как могла, про чай и пенку.

Выслушал камердинер-телохранитель сбивчивый рассказ и потихоньку сказал:

– Ты, дочка, успокойся, неча слёзы из-за пустого лить. Ты вот что, ты вдругорядь, коль пенки-то не будет, так перед дверью плюнь в чай, а потом уж и заходи в кабинет.

Через четверть часа кухарка вновь заварку приготовила, в хозяйские чашки наливать стала и, как положено, второй рукой одновременно добавлять в них свежего кипятку, а подавальщица Евдокия тут же рядышком стоит, за кухаркиной работой наблюдает. Глядит – пеночка вроде как вскипает в чашках. «Вот и слава Богу, – думает, – барин доволен будет». Ну снова, значит, поставила кухарка на поднос чашки с чаем и всё прочее, что полагается.

– Неси, – говорит.

Взяла Дуня в руки поднос с волнением, едва ли не большим, чем в прошлый раз, хотя причины опасаться не было – пеночка-то пузырится весело, но не успела сделать и нескольких шагов, как пузырьки стали быстро лопаться и все исчезли без следа, а дверь в кабинет уже перед ней! Взглянула растерянно на Мефодия, а тот ей подмигивает: давай, мол, не бойся, делай, как поучал.

Вздыхнула глубоко подавальщица и плюнула в обе чашки. Камердинер открыл дверь, и она снова, перешагнув порог, произнесла:

– Извольте пить чай, барин.

На сей раз Леонтий Аркадьевич чаем с пенкой остался вполне довольный.

Смотрины

Дуне исполнилось семнадцать. Вот и ещё одна, четвёртая, дочка Кузьмы и Александры Стефановых в пору вошла – заневестилась. На вечерние гулянья деревенской молодёжи – вечёрки – зачастила Дуняша, да всё больше с соседским сыном Прохором на пару. Напевшись и наплясавшись вволю, далеко уж за полночь вместе и возвращались. Понимали Дуняшины родители: не просто дочь-то с Прохором дружатся, не иначе, в симпатиях они друг к другу. Что ж, понять-то девку можно было. Прохор был парнем из себя видным – высоким, широкоплечим и лицом пригожим, и можно было бы дочку выдать за него, да только взрастили его зажиточные соседи баловнем и лодырем, каких мало. Нет, не годился Прохор, по его беспутству, в мужья Евдокие. А вот когда на Медовый Спас приехал со сватами к Стефановым на сговор старинный приятель главы семейства Игнат Ильич Миронов, живший в ближнем селе Большие Озёрки и вознамерившийся женить своего младшего двадцатилетнего сына Василия, сомнения к Кузьме Никитичу вовсе не явились. Василия, как и обоих его родных братьев и двух сестёр, Игнат Ильич растил в строгости – с младых ногтей приучал к работам в поле, на скотном дворе и ко многим полезным в крестьянской жизни ремёслам навыки прививал. Оттого и стали все отменными трудолюбцами да добрурукими умельцами.

Нечего и говорить, что сговор прошёл без сучка и задоринки; и, при общем согласии, условились на Ореховый Спас устроить смотрины жениха и невесты. По такому случаю Игнат Ильич выставил прихваченную с собой четверть казённой водки, а Кузьма Никитич с Александрой Васильевной накрыли стол с угощением.

Быстрой тройкой с колокольчиками не бежит – летит время, оставляя в памяти зарубки событий, будто верстовые столбы позади легконогих коней. Вот и день смотрин вступил в свои недолгие права. С рассветом всё семейство Стефановых было уже на ногах. Невеста и вовсе проснулась среди ночи и больше уж заснуть не могла – щемило сердце, душа от тревожных чувств не находила покоя. Да разве могло быть иначе? Ведь сегодня она впервые увидит своего будущего мужа. Каким он окажется? «Кабы за Прошу просватали, я б тогда не тревожилась, – думала Евдокия, – вон он какой: статный, кучерявый, востроглазый, а когда обнимет да поцелует – дух прихватывает... Да... Чо ж, значит, не судьба! Делать неча! Родительская воля – воля Божья! Ладно, лишь бы не урод какой, а там, как люди бают, стерпится – слюбится».

К смотринам как следует подготовиться – дело хлопотное. Жениха-то приедут показывать, считай, всей ближней роднёй. Помимо родителей обязательно со стороны жениха будут два брата, обе сестры, невестки – жёны братьев, зятя – мужья сестёр, мать и отец крёстные, да со стороны невесты народу будет как бы не побольше. Застолье по случаю смотрин исстари устраивалось в родительском доме невесты. Попотчевать гостей следовало не скупясь, щедро. Посему первым делом Кузьма Никитич озаботился мясом: завалил и освежевал баранчика-валушка: подвесил тушу к крюку, вбитому в балку-матицу наполовину крытого скотного двора; медленно, аккуратно подрезая ножом, стянул тёмно-серую шкуру; в большой медный таз, взрезав брюшину, вывалил бараньи кишки, которые, будучи промытыми в проточной речной воде и зажаренными на огромной чугунной сковороде в русской печи, станут всеми любимым мясным лакомством. Остальную требуху, ценную для семейной кухни, но не потребную для предстоящего застолья, бросил в ушат. «Не забыть потом приказать снести в погреб», – сделал себе отметину в памяти рачительный хозяин. Тушку освежёванного валушка снял с крюка и на дубовой скреплённой железными обручами колоде порубил разделочным топором на подходящие куски, сложив их потом в другой таз, размером никак не меньше первого. Малость притомившись, Кузьма Никитич решил отдохнуть да заодно покурить. Присел на ступеньку дворового крылечка; достал кисет из бокового кармана фуфайки, положил рядом; из внутреннего кармана вытащил сложенную узкой книжкой газету, оторвал листочек; ловко пальцами

свернул гильзу папироски-самокрутки, прозванную людьми с воображением за характерный излом «козьей ножкой»; неспешно набил самокрутку душистым табаком-самосадам, прикурил и с наслаждением затянулся голубоватым горько-сладким дымком. Посидел так немного, вспоминая прожитые годы, да и дальше дела делать. Теперь надо было заняться гусями. «Одного, гляди, не хватит, – сам себе сказал глава семейства, – а двух будет в самый раз...»

Тем временем немало своих хлопот с предстоящим важным событием было и у Александры Васильевны со старшими, уже замужними, сёстрами Дуняши – Анастасией, Александрой, Ефросиньей. За дочерьми, по случаю смотрин и в помощь матери, Кузьма Никитич ещё вчера съездил к сватам в две соседние деревни, где теперь жили дочери, на впряжённом в рессорную бричку гнедом ходком мерине Бутоне, прозванном так за большую прозвездь на лбу, схожую с нераскрывшимся цветком.

Конечно, матери вместе с дочерьми прежде всего следовало заняться стряпнёй. Еда по такому случаю надобилась не повседневная, тем паче не постная, поскольку постные недели миновали, а, напротив, праздничная, скоромная и непременно в избытке, чтобы, помилуй Бог, не остались гости недовольны угощением, не подумали б, что хозяева бедноваты или скряжничают. Да, достойно принять дорогих гостей – дело непростое, но в четыре пары умелых и проворных рук вполне посильное. К урочному часу во всём доме Стефановых были наведены чистота и порядок. В большой горнице стоял длинный стол в окружении широких лавок. На выскобленной ножами добела дощатой столешнице ожидали едоков приготовленные гостеприимными хозяевами кушанья: отварная баранина, жареные бараньи кишки, гусятина, жаренная и тушённая с картошкой, морковью и репчатым луком, запечённые в сметане караси, малосольные огурчики, солёные грузди, пироги с начинкой из яиц и капусты, расстегаи, начинённые жареными с репчатым луком белыми грибами, ну и, само собой, хмельное – калгановая водка с вишнёвой наливкой – в стеклянных графинах. По краю стола рядками были расставлены для каждого застольщика гранёные стаканчики на пару с расписными деревянными ложками. Успели, конечно, подготовить праздничный наряд и обрядить согласно обычаю в него невесту, предупредив Дуняшу, что выходить на люди она должна будет только по зову отца, а до того нужно смиренно сидеть в своей девичей.

Всё готово к смотринам. А вот и колокольцы слышались. Не иначе жениха везут. Все домочадцы, кроме Дуни, вышли из дому встречать гостей. По улице к дому невесты на рысях поездом приближалось семейство жениха: впереди на двухколёсных дрожках сам Игнат Ильич правит белым в серых яблоках рысаком, на сиденье дрожек – сын Василий между старшим и средним братьями; за дрожками – две брички, нанятые по такому случаю, в пароконных упряжках, одна за другой, с остальной жениховой роднёй. Подъехали, спешились, поздоровались. Игнат Ильич с Кузьмой Никитичем троекратно поцеловались.

– Вот, Кузьма Никитич, привёз тебе купца. Василий, подь сюда, – позвал Игнат Ильич стоявшего чуть в стороне младшего сына.

Тот, подойдя поближе, со словами: «Доброго здоровья, Кузьма Никитич!» – поклонился в пояс будущему тестю.

– И тебе не хворать, Василий! Ну, коли купец в наличии, пойдёмте посмотреть товар.

– Милости просим, добро пожаловать, дорогие гости! – подхватила предложение мужа Александра Васильевна.

Первыми в дом вернулась родня невесты. За ними неспешно, без суеты прошли гости. Заходя по очереди в горницу и перекрестившись на иконы в красном углу, за стол не садились – вставали вдоль стен так, чтобы молодой купец оказался посередине и на шаг впереди всей честной компании. Последним, как и следовало, в горницу вошёл Кузьма Никитич. Выждав минутку, он приказал дочери выйти из девичей и показать товар лицом. Тотчас дверь в девичью открылась, и в горницу вошла невеста. На Дуняше был праздничный наряд: вышитая красной ниткой рубашка – сорочица белого льна, длиннополый, до самых пят, лазоревый сара-

фан, передник – понёва в чёрную и синюю мелкую клетку, широкий тёмно-синий пояс-кушак, голубая налобная лента – очелье, серебряные височные серьги – колты и остроносые юфтевые красные сапожки.

Как положено по обычаю, Дуня подошла к жениху. Подняв опущенные долу очи, впервые посмотрела на того, кто станет её мужем и отцом их общих детей. Задержав на одно лишь мгновение взгляд, она снова опустила глаза, и никто, кроме Василия, не успел заметить перемены в её лице. Самое главное, предписанное старинным обрядом, действие состоялось – будущие супруги увидели своих суженых.

– Ну что ж, гости дорогие, теперича милости просим отведать, чем Бог послал, – поставил точку в церемонии отец невесты.

Рассаживались за столом не абы как, а по заведённому исстари порядку: первыми прошли и сели за стол жених и невеста – не рядом, а напротив друг друга. По правую и левую руки от них должны были сидеть родители и далее – другие родственники. Пока застольщики наполняют гранёные стаканчики, поведеам, отчего омрачилось лицо Дуняши. Да в том причина, что был жених рябым. Оспа, не сумевшая погубить, как многих других, Василия, переборовшего ещё в раннем отрочестве смертельно опасную хворь, коварно оставила на его лице свои следы – ямки на коже, называемые оспинами, покрывающие лоб, щёки, нос и даже шею. Ямки эти были частью размером с просяное зерно, а частью – с рябиновую ягоду. Оттого, должно быть, и стали в народе называть людей с оспинами рябыми.

Сидит взгрустнувшая Дуня за уставленным яствами столом, но не ест, не пьёт – наливку вишнёвую лишь пригубила и больше уж гранёного стаканчика не касается. На рябого жениха своего нет-нет да бросит недолгий, но цепкий взгляд и разглядела: Василий-то статью Прохору не уступит – высок, плечист, под синей косовороткой широкая сильная грудь проступает. Чертами лица-то, кабы не оспины, и вовсе красив. Когда же взглядами встречались, примечала – смотрит кареглазый Василий внимательно и ласково. Не ошиблась Дуняша – и вправду легла она на сердце рябого Васи уже с первого взгляда, как вышла она на смотрины в праздничном наряде, будто царевна-лебедь из сказки. Хороша была его невеста: милолица, росту скорее малого – чуть ниже женихова плеча даже, но станом дивно ладна, светло-русые волосы толстой косой на зрелой, манкой девичьей груди, выпукло проступавшей из-под вышитой рубашки, глаза радовали.

Так, глядячи друг на друга, да за думками своими потаёнными и не заметили жених с невестой, как застолье к концу приспело. Кузьма Никитич с Игнатом Ильичом уже и о свадьбе условились – на Покров сыграть. Все по русскому обычаю выпили ни много ни мало, а как душа просит, песен попели – про «златые горы и реки, полные вина», которые не жалко отдать за ласковые взоры; про удалого, но бедного и старого Хасбулата и молодую его жену с влюблённым в неё молодым богатым князем, – наелись досыта, пора и честь знать. Поблагодарив за хлебосольство, засобирались гости в обратную дорогу, засутились и хозяева.

Встали и вышли из-за стола и Василий с Евдокией. Взял он ладошку невесты, впервые коснувшись будущей своей жены, притянул её к своей груди и негромко, так, чтобы слышала его только она, сказал:

– Ты, Дуняша, не грусти, не печалься. Всё у нас с тобой, милая, будет хорошо, всё сладится.

Не знал рябой Вася, что не было уже в душе Евдокии никакой тоски-кручины от предстоящей жизни с постылым мужем, а грезились ей, напротив, любовь и счастливое многодетное будущее с суженым – рябым Василием Игнатьевичем Мироновым.

За дровами

Хороша страна Россия! Другой такой по всей Земле не сыскать. Где ещё найдётся такая, чтобы вёсна были соловьиными, лета – красными, осени – золотыми, а зимы – долгими, а ещё снежными и морозными. И много чего ещё приносит со своим приходом зима, за что любит её русский человек и ласково называет зимушкой: это и гладкие дороги, когда быстро и легко катят лошадки сани на деревянных полозьях, подбитых железной полосой; и радость ребятишек во многих играх-забавах; это и обильные застолья с мясными кушаньями, разносолами, блинами, сладким чаем с пирогами да пышками. Зимушка – это и короткие дни с длинными вечерами под родным кровом, полные полезными занятиями, кои вовсе не в тягость домочадцам, а напротив – в удовольствие: сядут ли хозяйка с дочерьми прясть-ткать, а то шить-вышивать; возьмётся ли хозяин с сыновьями конскую сбрую или сапоги-валенки починять, а то ложки с плошками из клёна резать или корзины да лукошки плести – всё будет делаться неспешно, с чувством, с толком, с расстановкой, а нередко и с протяжной песней о доле нелёгкой, о девичьих печалях, о зорях ясных в отчем крае да о постылой чужбине – одним словом, с душой.

Славно зимовать, коли всё в крестьянском хозяйстве как надобно к морозам сладилося: урожай добрый выращен, собран, по амбарам, погребам схоронен, сено для скотины накошено сколь надобно, но, самое главное, – в полном достатке наготовлено топлива для печей, коего потребно ох как много! Оттого среди многих трудов и забот думка о том, чем отопиться грядущей зимой, не покидает заботливого мужика. Много чего идёт в топки прожорливых печей. В русской печке еда готовится на подовом жару, потому для неё годятся и хворост, и сухая сосновая хвоя, которые горят быстро, и жару от них достаточно, но вот для обогрева жилища хворост и хвоя никак не подходят. Тут уж не обойтись без настоящих дров – еловых, сосновых, берёзовых. У берёзовых древесина плотнее, потому горят дольше и тепла от них куда больше.

Семья у Боровковых большая. Пётр Сергеевич, глава семейства, с женою Александрой Кузьминичной, четыре сына – Андрей, Егор, Никита, Илья и две дочери – Нюра и Параша. Старший Андрей, правда, уехал в Тулу и пустил там собственные корни, поступив на службу на казённый оружейный завод и женившись на городской. Егор же с Никитой привели своих жён, как спокон веков водится, под отчий кров. Илье, по малолетству, о женитьбе думать было ещё рано, и дочери, пока не выданные замуж, тоже жили с отцом-матерью. По семье и немало достатку владели Боровковы и просторным домом с тремя печами – русской и двумя голландками, а на усадьбе – баня, наполовину крытый скотный двор, овин, три амбара, сенной и дровяной сарай, два погреба.

Нынче, изрядно потрудившись на сенокосе и повечерив, семейство Боровковых чаёвничало. На столе стоял самовар на медном подносе, стаканы с чайными ложками, блюдца, большой красный в крупную белую горошину заварной чайник на самоваре, сухари в соломенной хлебнице и кусковой сахар в стеклянной сахарнице. Дочери чаёвничали так: обмакивали в стакане сладкого чая сухарь, откусывали размягчённый кусочек, запивая глотком напитка. Пётр Сергеевич же с остальными домочадцами предпочитали пить чай вприкуску, что являло собой не что иное, как непризнанную в качестве национального культурного явления церемонию чаепития по-русски. Посему будет уместным описать её здесь во всех подробностях.

Глава семейства достал из выдвижного ящичка увесистый нож, положил себе на левую ладонь один из крупных кусков сахара и расколол его, ловко и метко ударив по нему длинным лезвием так, что кусок распался на удерживаемые ладонью почти равные половинки, каждую из которых тут же постигла та же участь – быть в свою очередь безжалостно раздвоенной. На этом экзекуция над белой сладостью не закончилась. Теперь в дело вступили явившиеся в руках Петра Сергеевича маленькие кусачки, коими он теперь стал отщипывать от уже наколотых кус-

ков совсем уж крохотные, не многим больше подсолнечного семечка, кусочки. После того как сахарные семечки, будучи нащипанными в достаточном количестве, оказались в сахарнице, можно было приступать собственно к чаепитию вприкуску. Тут горячий чай из стакана положено было налить в блюдце и, поддерживая его всеми пятью пальцами снизу, поднести ко рту. Другой же рукой, взяв из сахарницы сладкую семечку, положить её на язык, и потом уж напиток понемногу схлёбывался через блюдечный край и, прежде чем делался очередной глоток, как бы процеживался чрез лежащий во рту кусочек сахара. Чай при этом лишь чуть-чуть подслащивался, сохраняя во вкусовом букете собственные нотки. При таком чаепитии по-русски, обычно ещё и под неторопливые застольные разговоры, выпивалось не по одному, а по три-четыре стакана напитка.

– Да... Раньше-то, при дедах ваших, когда у общины свой лес был, горя с дровами вовсе не знали, – делился за чаем своими мыслями с сыновьями Боровков старший, – платить-то нужды не было. Бывало, придёт мужик к деревенскому старосте, так и так, скажет, спалил, мол, весь дровяной припас, давай определяй делянку на столько-то возов леса. Ну, знамо дело, поставит ему магарыч. Вот и всех хлопот! А дальше не жалеи, мужик, рук и лошадей: вали, руби, грузи да вози. Ну и повырубили общественный лес-то. Да...

– А что ж так-то – недальновидно? – спросил задумавшегося отца Никита.

– Да дурнями были. Надо ж было новый лес на вырубках садить, да не нашлось, должно быть, вовремя умного-то человека, чтоб вразумил народ. Теперича вот приходится платить за казённый лес, да лесничего чем ничем ублажать, чтоб не медлил с приказом лесникам делянку определить и деревья пометить. Так что завтрева, как рассветёт, запрягай кобылу в дрожки, Егор, поедem с тобой в лесничество. А тебе, Никита, со своей бабой и невесткой, наказ будет сеном, что за болотом-то накосили, заняться – собрать и в стожки сметать. Илюшка с сёстрами остаются дома матери помогать по хозяйству. Ладно, пора уж и почивать. Утром всех до свету разбужу.

Поутру, чуть только забрезжил рассвет, Егор запряг в дрожки молодую кобылу, по вороной её масти названную Вороной, кликнул отца и, как только тот уселся на сиденье, щёлкнул вожжой по лошадиному боку, зычно, врасстяжку, прикрикнув на лошадь: «Но-о-о, милая!». Ворона тут же прынула и пошла резвой размашистой рысью. Езды до лесничества было никак не меньше полутора часов.

«Ну вот! Почитай, уж приехали», – сказал долго молчавший в дороге Боровков старший, увидев за речной излучиной высокий заросший липами бугор, на котором располагалось лесничество. Оставалось только подняться по крутому мощённому известковым камнем въезду, ведущему на самый верх холма. Изрядно подуставшая Ворона тяжёлым шагом, отмахивая головой, втащила дрожки на поляну, окружённую казёнными строениями лесничества – домами с квартирами лесничего и лесников, конюшней для казённых лошадей, постройками для всякой домашней скотины и всего прочего. На одном из домов с крытым крыльцом в три ступени бросалась в глаза вывеска: «ЛЕСНИЧЕСТВО ПЛАВСКОГО УЕЗДА». На ступенях крылечка стоял, опершись задним местом на балясник, в форменной одежде незнакомый Петру Сергеевичу человек и курил городскую папиросу. Сойдя с дрожек, проситель Боровков прихватил рогожный мешочек с тремя завёрнутыми в чистую тряпицу запечёнными курами и направился к крылечку.

– Доброго здоровья! А что, господин лесничий у себя?

– Ну я лесничий. Тебе чего надо-то?

– Дык мы это... мы Боровковы будем, – сняв с головы картуз и кивнув в сторону Егора, сидевшего на бричке, начал свои сбивчивые разъяснения Пётр Сергеевич. – Крестьяне мы местные. Вот хотели лесу прикупить на дрова. А вы, ваше благородие, стало быть, назначены на должность вместо их благородия Николая Николаича?

– Совершенно верно, сударь. Ну так что ж, дело твоё понятно, проходи в кабинет.

Зайдя в знакомое помещение, старший Боровков остановился у двери, а новый лесничий прошёл дальше и сел за письменный стол, стоявший у стены напротив входа в кабинет.

– Ну так говоришь, лес хочешь прикупить на дрова?

– Дык ведь а как же – обогреться-то зимой надоть. Прошу прощения, а как вас звать-величать-то?

– Обращайся ко мне «господин лесничий». А что это у тебя в мешке?

– Это? Да это, господин лесничий, курочки печёные. Уж не погребуйте, примите наше угощение.

– Курочки, говоришь? Так это хорошо, положи мешок вон туда в угол. Так сколько тебе леса-то нужно?

– Пять возов.

– Пять возов?! – сделал удивлённую гримасу лесничий. – Это много.

– Дык семья-то у меня большая, дом немалый – три печи, да баню тоже топить надобно.

– Понятно! Ну а цена тебе известна?

– А то как же! Чай, не первый год казённый лес покупаю – два рубля за воз. Стало быть, красненькая за пять возов.

– Молодец, правильно считаешь. Ладно, Боровков, не будем время попусту тратить! Давай деньги, а я сейчас тебе наряд-разрешение на порубку выпишу.

– Благодарствую, ваше благородие, господин лесничий.

– Ну а завтра также вот в это время снова подъезжай. Дам тебе лесника, Антипом зовут. Наверное, знаешь его – он тебе на делянке деревья на пять возов заклеимит.

Свои наставления лесничий давал, не откладывая ручки, которой писал наряд-разрешение, часто опуская перо в чернильницу и ударяя каждый раз кончиком пера о её дно.

– Ну вот и готово. Получи. Грамотный? Читать-то умеешь?

– Грамотный. Премного благодарен, господин лесничий.

Пётр Сергеевич взял бумагу с двуглавым орлом и стал медленно, по слогам, читать.

– Погодите, господин лесничий. Не пойму никак. Я заплатил за пять возов, а в наряде прописано одиннадцать кубометров. Чего за кубометры такие?

– Да не обращай внимания на это, Боровков. Циркуляр тут пришёл из департамента. Теперь предписано вести учёт порубок и расчёты в этих самых кубометрах. Вozy указывать запрещено.

– А-а-а. Ну коли так, тогда ладно. Тогда прощайте, господин лесничий.

И, поклонившись в пояс, крестьянин Боровков Пётр сын Сергеев покинул лесничество.

Три дня кряду Пётр Сергеевич с сыновьями валили годные на дрова сухостойные да заболелые сосны с берёзами, обрубали ветви, пилили стволы на трёхметровые брёвна, грузили на подводы и возили к себе в усадьбу. Много трудов – семь потов пролили Боровковы, но управились с Божьей помощью. Но, странное дело, на все три дня поселилась в душе старшего Боровкова не понятно откуда взявшаяся тревога. Вестилось ему что-то нехорошее, и не мог он взять в толк, отчего.

И вот не успели отец с сыновьями разгрузить последнюю пятую подводу с брёвнами, как к ним подъезжает верхом на жеребце лесник Антип, что деревья по наряду клеймил.

– Здравствуй, Сергеич! – говорит.

– И тебе доброго здоровья! – отвечает Пётр Сергеевич.

– Ну что, весь лес-то привёз?

– Слава Богу, управились. А тебя какая нужда сюда скакать заставила?

– Да вот, понимаешь, лесничий приказал проверить, нет ли у тебя переруба.

– Какой ещё переруб, Антип? Вот гляди – все брёвна тут аккурат от пяти возов, как в наряде.

– Вozy возами, Сергеич, – ответил лесник, спешилсЯ и, привязывая к росшей у забора берёзе жеребца, продолжил объяснение своего неожиданного наезда, – а мне, понимаешь, велено проверить по кубометрам. В наряде-то у тебя не возы указаны, а одиннадцать кубометров. Так ведь?

– Ну так.

– Вот я шас расчётец-то проверочный и произведу, как господин лесничий научил.

Достал тут Антип из кармана свёрнутую в моток какую-то тесёмку с нанесёнными на ней чертами и цифрами и начал снимать ею мерки со сложенных стопами брёвен. Снимает мерку за меркой и в тетрадочку карандашом записывает. Закончив дело с мерками, Антип присел на подходящее брёвнышко и продолжил что-то сосредоточенно писать, то и дело облизывая губы, прищепётывая и почёсывая в затылке. Пётр Сергеевич, нагнувшись, заглянув в Антипову тетрадку, увидел, что лесник в столбик умножал и делил, а ещё ноздри старшего Боровкова уловили плывущий от лесника запашок, который ни с чем не спутаешь, – Антип был под хмельком.

Наконец, закончив тяжкий умственный труд, он криво улыбнулся и как будто даже весело изрёк:

– Ну вот, Сергеич, у тебя переруб на три кубометра. Не одиннадцать, как по наряду тебе разрешено, а четырнадцать.

– Да как же так, Антип? Откуда ж переруб-то взялся? Ты ж сам видишь: за пять возов уплачено – пять возов и вывезено из леса. Какой же переруб могёт быть?

– Не знаю. Не знаю, Сергеич. Только переруб в наличии, а это, брат, воровство казённого леса, и я, как государевой службы человек, должен об сём доложить лесничему, а он беспрменно – полицмейстеру.

– погоди, Антипушка, ведь это ж тюрьма!

– Может, тюрьма, может, острог, может, каторга – почём мне знать. Суд определит.

«Вот оно отчего так тревожилось-то мне. Сердце лихо чуяло», – мелькнула мысль в голове Петра Сергеевича.

– Как же так, Антипушка? Ведь без вины виноватый получаюсь. Ты уж придумай чего-нибудь, а мы к тебе со всем уважением.

– Чего ж тут придумаешь, Сергеич? Легко сказать – придумай... Если что, мне ведь отвечать придётся! Придумай ему... Ладно, так и быть: коли мне пару целковых дашь, доложу господину лесничему, что нет у тебя переруба.

И дал, конечно, Пётр Сергеевич Боровков эти два рубля леснику Антипу, да ещё и Господа Бога возблагодарил «за избавление невеликой ценой от суда и тюрьмы, а пуще того – от посрамления честного имени». И не знал простодушный человек, что новый лесничий оказался нечистым на руку чиновником, мошенником и казнокрадом, не первой жертвой которого он стал.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА К РАССКАЗУ О ДРОВАХ

Из века в век на Руси, как, впрочем, и во всём мире, пользовались приблизительными мерами веса, объёма, длины и прочими. В частности, такой приблизительной мерой был «воз». Воз использовался для определения количества сена, брёвен, хвороста, дров и иного прочего, что перевозилось лошадьми на повозках или санях. При этом количество груза на одном возе ограничивалось, главным образом, его весом, который могла тянуть без чрезмерных усилий лошадь. Применительно к брёвнам один воз примерно соответствовал трём кубическим метрам (кубометрам) древесины, или, соответственно, примерно двум с половиной тоннам по массе. Когда на рубеже XIX и XX веков циркулярами государственной власти стало предписываться переходить на точную метрическую систему, для многих нечистых на руку чиновников на местах появились возможности для разного рода жульничества из-за неграмотности насе-

ления, не имевшего возможности для пересчёта старых мер в метрические и вынужденного по этой причине доверять чиновникам. Примером такого жульничества как раз и может служить случай с П.С. Боровковым.

Итак, герой рассказа приехал в лесничество купить дровяного леса в количестве пять возов по известной ему и установленной несколько лет тому назад цене – 2 рубля за воз. Лесничий подтвердил неизменность этой цены и взял с крестьянина П.С. Боровкова за пять возов 10 рублей. При этом в наряде-документе, разрешающем порубку в казённом, то есть государственном, лесу и отражающем факт оплаты покупателем запрашиваемого количества брёвен, согласно требованию правительственного циркуляра о переходе на метрическую систему и, соответственно, об отмене старых единиц измерения, указал не пять возов, а 11 кубических метров. Здесь и было скрыто мошенничество и казнокрадство. Очевидно, что государственный лесничий – профессионал в своём деле, прекрасно знал, что корректный перерасчёт одного воза в метрической системе даёт объём от 2,5 до 3,0 кубометров. Поэтому, будучи честным и по отношению к государству, и по отношению к покупателю, он обязан был вписать в наряд

$$2,75 \text{ м куб. (средний объём одного воза)} \times 5 \text{ возов} = 13,75 \text{ м куб.}$$

Занизив в отчётном документе фактически оплаченный объём рубки на 2,75 м куб. и учитывая, что назначенная государственная цена за 1 м куб., допустим, составляла 62 копейки, лесничий присвоил, иными словами украл, из казны

$$2,75 \text{ м куб.} \times 62 \text{ коп.} = 1 \text{ руб. } 70 \text{ коп.}$$

Кроме того, жулику лесничему в сговоре с лесником Антипом мошенничество с пересчётом возов в кубические метры позволяло вымогать, угрожая тюрьмой за якобы перерубы, немалые по тем временам деньги у таких, как Пётр Сергеевич, простодушных, малограмотных людей.

Хлебный день

Завтра пятница – день, в который во многих деревнях и сёлах бабы-домохозяйки выпекают хлеб впрок на неделю вперёд, по числу едоков, но обычно шесть-восемь-десять ковриг. Стало быть, на ночь надо приготовить закваску и замесить на ней тесто. Проще-то и быстрее тесто приготовить на дрожжах, но ведь редки они на ярмарках и очень уж дороги. Да и зачем, коли для закваски всегда всё в доме найдётся и хлеб из опарного теста заметно вкуснее дрожжевого выходит.

Александра Кузьминична Боровкова встряпне кушаний из теста мало кому уступала, а вот по части выпечки хлеба слыла по всей деревне и вовсе мастерицей как бы ни первой, потому как у бабки своей Меланьи, барской кухарки, девчонкой ещё переняла многие тонкости хлебного дела и секреты разных хлебов: ржаных, пшеничных, смесовых, с добавками ароматных корешков, травок и даже сушёных лесных или садовых ягод.

Поучая свою внучку, бабка Меланья часто говаривала:

– Запомни, Сашка, ни в жизнь хлеба вкусного не спечёшь без доброй закваски.

Оттого и не доверяла, пока была в силах, Александра Кузьминична замешивать закваску ни дочерям, ни снохам, но понуждала притом присматриваться к её рукоделью да слова наставительные со вниманием слушать:

– Для хорошей закваски, девки, нужна не любая простокваша, а вот такая. Пробуйте и запоминайте вкус. В простоквашу надобно подлить немного ржаного квасу и размешать. Так... щепотку толчёного сахарцу потихоньку подсыпая и далё вымешиваем, вымешиваем, покуда пенка ни явится. Ну вот она и запузырилась, родимая, посему пора приспела добавить ржаной и овсяной мучицы по жменьке, вот так, врассыпчатку, и сызнава всё вымесить. Вымесили, и теперича остаётся оставить закваску в покое и тепле часов на шесть – пушай зреет.

Много дел вечерами в крестьянских семьях ложится на женские плечи: обиходить корову – приготовить для неё пойло и напоить, подогреть воду и помыть вымя, подоить, задать корму; приготовить корм и дать свиньям; бросить сена овцам; всыпать овса в кормушку лошадям; бросить зерна домашней птице; меж хлопот со скотиной озаботиться, чем домочадцы вечерить будут; по четвергам ещё и хлебное тесто положено ставить на закваске, чтоб к утру пятницы аккурат дозрело и поднялось.

Ну а в пятницу главное дело – испечь хлебы. Ещё затемно из труб над крышами, по большей части соломенными, уже вьются сизые дымки – хозяйки начали разжигать кострища в печных горнилах, чтобы к рассвету дрова прогорели. Девять месяцев в году ковриги-сырцы кладут на деревянную лопату и ссаживают их на дышащий жаром печной под, вычищенный перед тем от углей и золы. Но тут, как ни расчищай, а всё одно немного золы приходится потом соскабливать с готовой ковриги – не всем ведь едокам по вкусу корочка с таким припёком. Иное дело в пору, когда в огороде вспухают кочаны в окружении больших, будто лопухи, капустных листьев. Тогда уж добрая хозяйка положит на лопату ковригу-сырец не обыкновенно, а непременно с подкладкой капустного листа. Корочка спечённого на нём хлеба получается чистой и по-особенному вкусной.

Слепили боровковские бабы под строгим доглядом Александры Кузьминичны двенадцать ковриг-сырцов из смесового теста, посадили в горнило на капустных листьях, закрыли печное устье заслонкой.

– Ну теперича, девки, – обратилась она к помощницам, дочерям и снохам, с глубоким вздохом и продолжила поученье, – ждём с час да присматриваем за хлебушком. Как в народе говорится: «Недопёк в печи, а перепёк поросётам на харчи». А ещё, девки, приноживаться надоть. Готовый хлеб запахом своим вещует: «Всё, испёкся я, хозяйка». Ладно, пойдём чайку попьем, покуда хлеб-то доходит. Вон у Парашки и самовар поспел.

По всей деревне по пятницам густым духом свежеиспечённого хлеба воздух налит, и нет иных ароматов в мире, что могли бы сравниться притягательной силой с этим дразнящим обонянием и рождающим приступы аппетита запахом.

Напились чаю Александра Кузьминична с помощниками, тут и урочный час незаметно прошёл, а от печи дух хлебный знойными вкусными волнами идёт уж по дому и дальше, заполнив двор, просочился на улицу – погулять, пока в силе, на воле.

– Ну всё! Чуете? Кажись, самый раз. Пора вынуть хлебушек, – обронила наставительные слова хозяйка.

Сняла дочка Нюра заслонку, и на пару со снохою принялись, ловко поддевая лопатой, в очередь вытаскивать из горнила ковригу за ковригой. Александра же Кузьминична возьмёт каждую в свои опытные руки, попустует, будто дитя новорождённое, любуясь и обсматривая со всех сторон. И так вот все двенадцать ковриг примет, словно близняшек в люльку, положит боком на хлебную полку, прикрыв вновь явленный хлебный припас чистой белой занавесочкой. И не черствел, не плесневел самодельный родной хлеб всю неделю. Разве что уплотнялся в меру, но ароматным, вкусным, сытным и желанным оставался до конца своего жительства на полке.

По воду

Всем известно: нет жизни без пресной воды! Потому в древнейшие времена, избегая гиблые безводные места, люди заселяли земли вдоль рек или в поозёрьях. Позже, научившись отыскивать подземную воду и устраивать колодцы, человек смог освоить обширные маловодные и даже засушливые, при этом достаточно плодородные, пространства междуречий. Но особенно трепетное отношение к себе всегда вызывали ключи и родники. Вода, истекающая из земных недр, отличалась превосходным вкусом и нередко обладала чудодейственной силой, исцеляющей от многих хворей. Нередко такие источники освящались и признавались святыми. И если уж находился ключ или родник в досягаемом для пешего либо конного похода отдалении, то именно в них люди предпочитали брать воду для питья и стряпни.

Был свой знаменитый на всю окрестность ключ и на краю деревни Кобылинки. Серебряные сладкие его струи, должно быть, ещё в незапамятные времена пробились на свет Божий у подножия речного обрыва, обнажившего под метровым слоем почвы слоистую структуру известковых отложений древнего моря, миллионы лет назад простиравшегося здесь на месте заросших лесом холмов Тульщины. За многие века обильный водоток ключа, размельчая и растворяя вокруг себя известковый камень, образовал подобие округлого крохотного озерца с ручьём, стекающим из него по каменистому руслицу в Плавицу, уносящую свои светлые воды в Плаву и дальше к Оке-реке и к Волге-матушке.

Кстати, весьма примечательно, что деревня Кобылинка, как, впрочем, и многие другие русские деревни, к концу семидесятых годов XX века полностью обезлюдела. В течение пяти лет после съезда последних её жителей все дома и дворы были по камушку, по кирпичику разобраны на строительный материал для построек на иных местах – когда бывшими владельцами покинутых усадеб, а когда и ушлыми людишками, охочими до всего, что «плохо лежит». А ещё четверть века спустя от живописной деревеньки с многовековой историей уже не осталось и следа, но из ключа, когда-то именовавшегося Кобылинским, по-прежнему, струясь, сбегает в Плавицу благодатная водица.

От ближайших к ключу домов ходили по воду с коромыслом. Умный человек придумал деревянное коромысло, и сделать его добротным – прочным и лёгким – было под силу только настоящим умельцам. Коли научиться правильно ходить с ним, то, не расплескав ни капли, легко можно было носить по два ведра ключевой студёной водицы – и бабам, и молодайкам.

Прасковья Соболева – требовательная и строгая свекровь, поучая свою молодую сноху, вовсе не носившую в девках коромысла, как надо ходить с ним, так говорила: «Ты, Анфиса, широко-то не шагай – вёдра враз расшатаешь и воду расплещешь. Ступай мягко, ровно, малыми шажками, спину держи прямо. С коромыслом надобно не идти, а будто лебёдушкой плыть».

Учила она сношеньку скорее для порядка – чтоб умела, если что. Нужды-то носить воду вёдрами не было. Муж у Прасковьи, Ерофей Федотович, – мастер на все руки: и шорник, и бондарь, и плотник, сделал водовозку лучше, чем у многих других. В водовозке главное – большая (чем больше, тем лучше) бочка, надёжно скреплённая с повозкой. Вот Ерофей Федотович и сладил бочку размером чуть ли не вдвое больше против обычных из отборных дубовых клёпок – узких, длинных, гладко отёсанных дощечек. Вместо четырёх железных обручей, стягивающих клёпки в плотную бочную стенку, заказал у кузнеца и поставил шесть обручей, а двумя железными хомутами обхватил и притянул бочку к повозке так, чтобы не скатилась с повозки на косогоре, не сползла назад на крутом подъёме или вперёд на лошадь на крутом спуске. Когда приходила пора, хомуты отсоединялись от повозки, бочка переставлялась на сани и сызнава уже к саням крепилась хомутами, превращая сани в зимнюю водовозку. На самой макушке у бочки было вырезано наливное оконце, чрез которое она наполнялось водой

с помощью черпака – деревянного ведёрка на длинной ручке. Водовозки такие стояли у крестьян во дворах, и, по опорожнении, в них запрягали лошадь и ехали на ключ, а там, не сходя с водовозки, длинноручным черпаком наполняли ключевой сладкой водой свои водовозные бочки. Воду, по потребности, брали из бочек – влезали на водовозку, зачерпывали ведром через наливное окно, ставили полное ведро рядом с бочкой, слезали на землю, опять брали ведро и тогда уж вносили в дом. Очень морочно да и нелегко! Вот и измыслил мастеровитый Ерофей Федотович водосливной кран на манер самоварного, только что не медный, а из дерева, и врезал его в торец бочки, в самый её низок. И после того уж не было нужды лазить домочадцам на водовозку, а всего-то – подойти с вёдрами к водовозке, повернуть кран, подождать, пока прозрачная тугая струя наполнит ёмкости до краёв, и закрыть кран. Всё просто, и никакой мороки!

На мельнице

Хорошая мельница, ветряная ли, водяная ли, всё едино, – это великое благо для крестьян по всей округе. Ведь, коли нет мельницы, приходится в семьях по старинке зерно молоть на ручных жерновах – нелегко и долго, да и мучица поплоче выходит. Хлеб-то, конечно, из такой муки получался добрым, но вот пироги, пышки или блины заметно уступали вкусом испечённым из мельничной муки. На Плавнице стояло четыре водяных мельницы, но самую лучшую построили купцы братья Спиридоновы на краю деревни Лопатинки, кою, по деревне, и прозвали лопатинской мельницей. Приметна она была прежде всего мостовой плотиной, поднимавшей уровень воды в реке перед собой никак не меньше чем на два с половиной метра и позволявшей направлять воду по специальному лотку на мельничное колесо сверху, а значит, увеличить скорость его вращения более чем в два раза по сравнению с водяными мельницами, у которых водный поток протекал через нижнюю часть колеса. Скорость же вращения наряду с размером жерновов и определяла быстроту помола. А вот мостовой плотина называлась потому, что по ней могли с берега на берег и люди перейти пешим иль конным ходом, и повозки, как порожние, так и гружённые всякой всячиной, свободно проехать.

Мельником на эту самую мельницу, по её устройению, братья Спиридоновы взяли местного лопатинского сорокалетнего мужика – набожного непьющего Трофима Нефёдова, который к тому времени уже лет двадцать молот зерно на ветряной мельнице в Больших Озёрках, куда, пока был молодой да удалой, ездил верхом, с годами же ему пришлось пересест на дрожки. Оттого Трофим и несказанно был рад возможности уже в немолодые свои годы продолжить любимое дело в родной деревне в новой мельнице, в двух шагах от собственного дома, несмотря даже на то, что счётливые купцы достойное жалованье сулили не сразу, а лишь в будущем, когда их заботами и его стараниями мельница обретёт в народе добрую славу и заработает на всю мощь.

Не ошиблись братья с умельцем-мукомолом – ревнив к делу своему до крайности оказался Трофим Иванович, сметлив, рукоделен. Придумал и сотворил мудрёное такое приспособление, чтобы менять зазор между нижним и верхним жерновами, потому и мука у него могла выходить по потребности – и крупного, и среднего, и мелкого помола. Вот на удивленье быстро и разнеслась в народе добрая весть о новой мельнице: мол, дюже хороша водяная мельница в Лопатинке, и мельник знатный – не суетлив, а сноровист и дело своё туго знает. Потому и повадились ездить за мукой к мельнику Нефёдову не только из ближайших окрестных деревень, но, нередко случалось, и с самих Озёрок. Для озёрских-то крестьян путь, надо сказать, был совсем не близкий, но всё же нужда заставляла их вспоминать про мельницу в Лопатинке. У них в Больших Озёрках своя мельница, и слова худого сказать про неё они не могли, нет! Когда-то ведь и сам Трофим на ней лямку свою работную тянул. Да беда в том, что была она ветряной. Ветер же – стихия непостоянная. Одному Господу известно, отчего у ветра настроение такое переменчивое: то подвевает тихонько день за днём, словно дремлет, то вдруг, будто сбросив дрёму, ни с того ни с сего начнёт задувать истово, силу свою немалую являя, а потом, когда уж и не ждёшь от него замирения, стихнет надолго, да так, что ни ветка не пошевелится, ни листок не ворохнётся. Вот в такие летние и зимние, приходящие на пару с рождественскими да крещенскими морозами, безветрия и останавливается приводное колесо ветряка, не крутится жернов, не сыпается в лоток мучица – замирает на время ветряная мельница.

В иные дни в очереди к Трофиму Ивановичу выстраивалось не меньше дюжины телег, гружённых мешками с пшеницей, но чаще с рожью и совсем редко с прочим зерном. Ездить-то на мельницу хозяевам приходилось довольно часто, потому как, в отличие от зерна, запасённую впрок надолго муку от порчи не уберечь. Тут, как ни старайся, как за ней ни доглядывай, а

всё одно: либо прогоркнет, либо мучной червь в ней заведётся. Посему обычно и не делают в семьях мучной припас больше чем на месяц. Оттого же и очереди случаются на мельницах, и трудов у мельников, считай, круглый год, как говорится, дай Бог управиться. И увидишь их утром ли, в полдень ли, вечером ли не иначе как присыпанными с головы до ног мучной летучей пылью, и без помощников умельцам-мукомолам никак не обойтись.

У мастера своего дела Нефёдова Трофима к тому времени тоже было двое подмастерьев – сын Иван восемнадцати лет и ровесник Ивана, племянник Зиновий, к коему, правда, полным именем почему-то не обращались, а все звали Зиной, на что он, по своей незлобивости, совсем не обижался. Хороши были помощники – грех жаловаться! Оба до работы охочие, оба дюжие, проворные, разумением не обиженные – все поученья с полуслова схватывали. Да и лицом двоюродные братья были сильно схожи. Но вот характером, или «карахаром», как выговаривал это слово Трофим, разнились так, будто и вовсе выросли не от одного дедовского корня. Иван – суровый, с серьёзным колючим взглядом, молчун редкостный, слово лишнее сказать для него – что рубль потратить на баловство. При том ревностно относился к обращённым к нему речам – ровно дитя, любил ласковое слово и обижался на упрёчное. Зиновий же был, напротив, весёлым, улыбчивым, словоохотливым. Про таких говорили: душа нараспашку.

Однако, когда у мельницы народ в очереди мается и лошади томятся, не до разговоров. Тут успевай только поворачиваться. Приезжие-то мужики мешки с зерном занесут в мельницу к весам, поставят рядом и дальше уж их не касаются. Иван с Зиной ставят мешок за мешком на весы, взвешивают их на глазах хозяев. Трофим Иванович в тетрадочку веса карандашиком записывает, потом итожит и объявляет, сколько пудов и фунтов привезено на помол и сколько, стало быть, муки мельник оставит в уплату, как всем известную десятую часть – десятину. Этой вот десятиной он потом перед Спиридоновыми отчитается. Коли тут заказчик со всем соглашался, то мельник просил его в том расписаться. Неграмотные же на месте подписи ставили крестик, а помощники, не мешкая, взваливали в очередь мешки на плечи и несли по шатким деревянным мосткам вверх к приёмному бункеру, ловко ссыпали в него зерно, откуда оно шуршащим ручейком спешило по коробу вниз к жерновам. Но вот когда иной раз заезжали на мельницу незнакомые особо недоверчивые мужички и затевали спор, приходилось братьям и раз, и два заново взвешивать мешки, покуда эти привереды не убеждались в честности мельника и его помощников.

Приводное колесо у лопатинской мельницы большое, вода из Пластицы сверху быстро текущим потоком падает на колёсные плиты, тяжестью своей заставляя через них вращаться колесо вместе с намертво соединённым с ним валом, уходящим через стену мельницы в её нутро. Внутри же сам вал понуждает к вращению так же жёстко насаженное на него второе – рабочее зубчатое колесо, кое и приводит в работу мельничные жернова, будучи хитроумно сцепленным с похожим зубчатым колесом, насаженным на вал верхнего подвижного жернова.

Шум от работающей лопатинской мельницы далече раздаётся. Да и не дивно! Ведь шумит падающая на плиты вода; ещё громче вещует о себе Пластица, водопадом уходящая через плотину в родное русло; мельничный вал стонет и поскрипывает на скользящих опорах, будто жалуясь на свою тяжкую трудовую долю; несмолкаемые разговоры ведут меж собой зубчатые колёса; вплетают в сей громкий хор свои голоса и каменные жернова. Из-за несмолкаемого шума, должно быть, нижний приплотинный кусок речного русла народ стал называть «бучало». Но слышит этот шум только непривычное к нему ухо, а у живших рядом и неподалёку людей быстро притупился к нему слух, и шедшие со стороны плотины звуки они вовсе не замечали. Внутри же мельницы, хоть работники как бы тоже не слышали монотонной песни падающей воды, колёс и жерновов, говорить с друг другом приходилось, напрягая горло.

– Иван, Зина, что вы там замешкались? – прикрикнул на сына с племянником мельник. – Давай шустрой к лотку, мука пошла.

А это значило, что надо было пустой мешок поднести к лотку, расправить как надо и, удерживая за края, подставить под стекающий с лотка мучной ручеёк, пока мешок не наполнится в меру – так, чтобы осталась свободной его верхняя часть, и, не просыпав на пол ни щепотки муки, поменять у лотка загруженный мешок на следующий – пустой. Перемолов всё зерно очередного заказчика, мешки с мукой подготавливались к погрузке на телегу и перевозке, для чего свободные верхние их части обжимались в тугой свёрток и по самому его низку обвязывались крепкой бечёвкой. За такой свёрток, называемый хохлом, удобно хвататься и, рывком взваливая на спину, тащить и класть на повозку или зимой на сани, но прежде того мешки с мукой надо было сызнова взвесить. Для чего бы это? Да всё очень просто. Ведь мешок – это мера объёма, притом приблизительная, а пуд и фунт – точные меры веса. И если сдал мужик на помол, к примеру, два с половиной пуда зерна, то и муки он должен был получить столько же – два с половиной пуда, за вычетом десятой доли в уплату за помол; поэтому без весов на мельнице обойтись очень трудно. Встали они купцам Спиридоновым в немалую копеечку, но денег им было не жалко. Хороши были весы. Видом своим они напоминали двух огромных уток с чугунными поддонами на спинах, присевших рядышком – грудь в грудь, почти соприкасаясь своими красными клювами. Взвешивать на них можно было груз от четверти фунта до пяти пудов. На большой чугунный поддон, называемый грузовым, клали мешки, на другой, называемый гиревым, – гири весом от двух пудов до четверти фунта. Когда общий вес гирь сравнивался с весом мешков, красные клювы уток устанавливались точно напротив друг друга. После того оставалось только подсчитать сумму весов всех установленных гирь. Десятину же обычно отвешивали на ручных весах – безмене.

Однажды что-то случилось с весами, будто заклинило напрочь. Беда! Как без весов-то? Ну привёз старший Спиридонов из Плавска умельца-слесаря для починки, а Ивану с Зиной приказал присматриваться к работе умельца да и подсобрать ему, коли нужда в том станется. «Вы, – говорит, – ребята сметливые. Авось скумекаете, как устроен механизм-то. Глядишь, другой раз, коль поломка случится, своими силами почините; а я вам за то по пятиалтынному в таких случаях платить обещаю каждому».

Братьям и самим в большой интерес узнать, как всё изнутри устроено в весах и отчего поломка произошла. Умельцу же городскому тоже подфартило с даровыми помощниками – чёрную работу можно переложить на случившихся подручных.

Как в народе говорится: «Дело мастера боится!» Дал ремонт весам слесарь да ещё и молодым мельникам охотно, будто гордясь своим знанием, попутно всё разъяснил.

– Ну вот и порядок! Теперь после ремонта полагается проверку весам учинить.

– Чего ж ещё проверять-то, поломку же устранили? – спрашивает слесаря Иван.

– Потому и надо, что влезли мы в нутро весового механизма, а это вещь тонкая. Весы работать-то будут, да равновес показывать станут неверно! А проверка проста. Давайте-ка поставьте на гиревой и грузовой поддоны по пудовой гире.

Поставили братья гири, а утиные носики не встали один напротив другого – стало быть, не показали, как ни странно, равновес.

– Вот видите: гири-то одинаковые, а весы показывают, будто на гиревом поддоне гиря тяжелее. Значит, занижать будут весы вес груза. Так, теперь добавьте-ка на грузовой поддон полуфунтовую гирьку, – приказал умелец-слесарь.

Зина положил полуфунтовку, и носики весов сблизились, но ещё не сровнялись.

– Ещё одну полуфунтовку добавь.

Зина добавил.

– О, вот и равновесие! – обрадованно произнёс мастер. – И что из сего следует?

На адресованный молодым мельникам вопрос Иван ответил молчаливым поднятием плеч, а Зина, улыбаясь во все зубы, сказал:

– А чёрт его знает, уважаемый!

– А из этого, молодцы, следует, что весы сейчас занижают каждый пуд груза аж на целый фунт. Понятно теперь?

– А то! – ответил Иван.

– Да чего уж тут не понять? Теперича всё ясней ясного! Чай, имеем соображение. Чай, не дурни мы с братом Иваном!

– Ну что, парни, вы с головой, вижу. Теперь смотрите, что надобно делать для правильной настройки весов. Перво-наперво убираем с поддона эти самые две полуфунтовки, потом ослабляем вот эту гайку и подтягиваем вот эдак рычаг, покуда утиные носики не сровняются. Подтягиваем, подтягиваем. Вот – всё! Ну и теперь снова туго закручиваем гайку. Вот так. Готово! Поняли?

– А то! – подтвердил свою понятливость Иван.

– Поняли и усвоили, уважаемый, как «Отче наш», – добавил свои слова к Иванову восклицанию Зиновий. – Другой раз хозяевам в Плавск ездить нужды не будет!

Так дальше и повелось. Если случались какие неполадки с весами, братья быстро давали им ремонт. И вот как-то подходит Зина к Трофиму Ивановичу.

– Дядя Трофим, – говорит, – потолковать кое о чём надо бы.

– Ну, давай потолкуем, – отвечает мельник.

– Тут, понимаешь, дядя Трофим, такое дело. Знаю я, как к весовому механизму один хитрый потаённый рычажок приделать так, чтоб вес зерна при приёме на помол занижать малость: на полтора-два фунта на пуд, а муку на выдаче, как есть, правильно взвешивать.

Слушал Трофим Иванович племянника и всё более нахмуривал брови.

– Стало быть, Зиновий, предлагаешь людей обманывать?!

– Да какой обман-то? Два фунта на пуд – это ж тьфу, мелочь! С заказчика-то не убудет, а нам польза! Как говорится, с миру по нитке – голому рубаха!

– Ах ты, Зина, Зина! Сгубишь ты свою душу! Речёшь про воровство, хоть и малое, и совести своей не слышишь. Ведь сказано в Святом Писании: «Не укради!» Вот и мудрость народную поминаешь лукаво. Ужель тебе, племяш, непонятно – рубаха-то во благо голому, когда из жертвенных ниток, а не из ворованных у мира! Довольно нам должно быть и того, что зарабатываем честным трудом, а сверх того Господь нам и немерный припёк даёт – забыл? Так что выбрось из головы, Зина, греховные мысли и давай-ка к делу. Вон мой кум, Кузьма Никитич Стефанов, зерно привёз.

А нам остаётся только объяснить, что за «немерный припёк» имел в виду Трофим Иванович Нефёдов.

Читателю известно – мельничные жернова состоят из нижнего неподвижного и верхнего подвижного, точнее, вращающегося жернова. Между жерновами имеется зазор, но самое главное – на обращённых друг к другу сторонах жерновов делается насечка в виде канавок-борозд, расходящихся от центра к краям, по которым мука двигается и ссыпается в приёмный лоток. Со временем эти канавки забиваются уплотнённой мукой до такой степени, что процесс помола практически останавливается. По этой причине и возникает необходимость регулярной очистки канавок на обоих жерновах, для чего верхний жернов снимался. Вычищенная из канавок-борозд уплотнившаяся мука не слишком годилась для выпечки хлеба, но была вполне пригодна, к примеру, для оладьев, чем по праву пользовались мельники и называли поэтому такую муку «немерным», то есть не учитываемым «припёком».

Сенокос

Июль – пора сенокосная. И нет для крестьянства в июле дела важнее заготовки сена, коего надо зело много, чтоб хватило до новотравья. Это в далёких южных странах чуть ли не круглый год домашний скот на подножном корме может содержаться, а в северной нашей России по семи месяцев зелёной травы не увидишь, и без сена скотинку никак не пропитать долгой зимой. Больше всего сена идёт на прокорм коровы; не прокормить без сена и лошадь, и овец с козами; не обойтись без него, коли держишь гусей с курами; даже поросётам кое-когда хорошо сенца запарить, чтоб не захирели и, помилуй Бог, не сдохли.

Иные скажут, кормить скотину и зерном можно – вон в Европах, мол, так и делали и продолжают делать по сию пору. Отвечу на это. Всё верно, ведь и в России фуражное зерно спокон веков держали в закромах – а как же! Овёс для лошадей, ячмень, пшено, горох для свиней и птицы, но вот коров зимами предпочитали кормить душистым сеном. Оттого русское молоко, вообще молочные продукты, но прежде всего сливочное масло были вкуснее и здоровее европейских. И недаром даже знающие толк во вкусной еде гурманы-французы так ценили наше масло с его несравненным вкусом и тонким ароматом, кои оно получало от сена. Без сомнения, Европа тоже хотела бы коров кормить сеном, да не может она себе этого позволить! Где ж ей взять-то столько непаханых лугов, по их земельной скудости? Не то у нас: ширь земли – дух захватывает! Вот и вставали к августу месяцу по всей России копна со стогами, и полнились сеновалы.

Главное на сенокосе – добрые косы, и нет важнее, как хорошенько их отбить. Отбивка косы – дело, не терпящее спешки, муторное даже и требующее особой сноровки; потому занимаются ею, по обычаю, старики, коим не по силам уже стоять в ряду косцов, а косу направить – в самый раз.

У Боровковых, само собой, отбивщиком уж какой год сам Пётр Сергеевич. Для сего важного занятия была у Боровкова старшего измышленная им и сделанная своими руками нарочитая скамья, слегка напоминавшая детскую лошадку. С одной из сторон над скамейкой возвышался чурбачок, в верхнем торчике которого Пётр Сергеевич укрепил отбой – особого рода маленькую наковаленку с выступающим узким обушком. Поперёк передних ножек конька был врезан брусок – как опора для стоп отбивщика. Садился на скамейку-конька Боровков старший, как и положено – верхом, ставил стопы на опорный брусок, приспособливал поудобней на коленях косу, вооружался молотком, лучше всего подходящим для отбивки косы, и, прижимая её жало к наковаленке-отбою, ударял по жалу молотком под прищуренным сосредоточенным взглядом, очень медленно перемещая косу по обушку отбоя. Под несильными, но точными ударами жало косы утонялось и получало в ходе такой холодной проковки особую прочность.

Помятуя поговорку «Коси, коса, пока роса», на сенокос косцы выходят с рассветом. У каждого в кармане или в сапоге точильный брусок – оселок. Возьмёт косец в левую руку черенок косы, называемый косьём, воткнёт заострённый свободный его конец в землю и, придерживая косу на весу, начинает правой рукой вострить её, протаскивая оселок вдоль жала то с одной, то с другой стороны. И раздаётся в утренней тиши: вжик, вжик-вжик-вжик!

Умелый косец острой косой срезает траву, будто бреет, почти под самый корень, едва касаясь тыльной стороной косы, пяткой, поверхности луговины и оставляя за собой прокос, равный размаху косы.

Вообще, коса – несомненно, гениальное изобретение человека, кратно увеличившее производительность труда при заготовке сена и на жатве по сравнению с предшествующим ей серпом. Как изделие кузнечного не ремесла даже, а скорее уж искусства, коса совершенно удивительна! Пожалуй, она являет собой единственное абсолютно асимметричное творение человеческих рук и ума. Иными словами, сложнейшая форма косы исключает возможность

вообразить какую-либо плоскость, делящую её на симметричные или подобные части. Все детали косы наилучшим образом соответствуют своему предназначению – срезать траву, волочить её за собой и укладывать в валок слева от прокоса. Кстати, любопытно то, что коса была придумана для правшей, поэтому, даже если косец по своей природе левша, то всё равно он вынужден косить как все – справа налево.

Косцы на покосе идут вслед друг другу, с уступом на ширину прокоса. Первый из них – закопёрщик. Взмахами своей косы и поступью именно он задаёт темп косьбы всем остальным. Следуя за впереди идущим, нельзя ни отставать от него, ни приближаться, дабы случайно не порезать ему ноги.

Летают по созревшему разнотравью три косы братьев Боровковых, и за их спинами с проступившими на рубахах пятнами горячего мужицкого пота ложатся три пышнотелых валка налитанной соками и силой июльской травы. И до чего хорошо радующее крестьянскую душу обильное разнотравье русских лугов! Тянутся тут к солнцу, соседствуя и перемежаясь, возрастая густым зелёно-узорчатым покрывалом кашка-клевер с белыми и розовыми головками соцветий, тимофеевка, люцерна, костёр, вика и многие другие травы.

К полудню валки скошенной травы, подвываясь под жаркими лучами, начинают источать терпкий сильный аромат свежего сена. Часам к четырём пополудни на смену мужикам на скошенную луговину выходят бабы ворошить сено. Это значит – переворачивать деревянными граблями валки высушенной стороной к земле, сырой – к солнцу и разгребать-взрыхлять, дабы к полудню другого дня скошенная трава стала сеном. Поутру мужики снова на покос, а после обеда все вместе – собирать готовое сено и складывать его в стожки. Так вот день за днём.

На ближние-то покосы ходят в очередь. Отдохнуть, покушать можно и домой вернуться. На дальние же едут на телегах всей семьёй разом, кроме стариков и старух. Берут с собой всё, что может потребоваться для работы, готовки еды на кострах и ночлега в поле. По приезде на место лошадей распрягут, свяжут им передние ноги верёвочными путами и отпустят на вольный выпас; бивак, вроде солдатского, разобьют; подтележья затенят домоткаными ковриками – отдохнуть днём в тенёчке, кваску в холодке испить; шалаши соорудят для ночёвок и будут обретаться так вот, пока не свезут последний воз сена на усадьбу.

Да, трудная сенокосная пора, но радостная – на сердце легко, благостно. Оттого, должно быть, и пелись песни, что изливались из душ людей, возвращавшихся вечерами с покоса домой, – уставших, но полных безмолвной любви к щедрой отчей земле.

В голодовку

Из-за страшных неурожаев в 1911 и в 1912 годах голод со своими беспощадными дочерями – болезнями – во многих российских губерниях унёс в могилу сотни тысяч жизней. Не минула горькая чаша сия и Тульщину, где люди тоже тяжело, с потерями пережили злое лихолетье, и немало было семей, куда наведалься тогда голодная смерть. Не прошла беда и мимо семьи Евтеевых.

Началось всё со скотины: по летней засухе не запаслись вдосталь даже сеном. Уже к Рождеству Христову совсем стало нечем её кормить. Не дожидаться же покуда издохнет – порезали на мясо всю, что ещё оставалась. Не решались лишь пустить под нож Чернуху – кормилицу коровку, едва стоявшую на ногах, но всё ещё дававшую по две кружки молока в день. И всё – так и не прокормила, как ни изошрялась, хозяйка Мария Прохоровна своих родных. Первым сломался престарелый уж свёкор. Когда стал совсем плох и уж не вставал с постели, позвал для последнего слова любезную свою сношеньку.

– Ты вот что, Маруся, коровку-то не режь, сберечь бы Чернуху-то надоть. Хучь кружку молока, а всё дать.

– Ой, не знаю, батюшка, на завтрава последний клоч сена остался, а дале что? – ответила ему Мария Прохоровна, утирая слёзы в уголках глаз изнаночной стороной фартука.

– А ты солому с сарайных крыш сыми, – продолжил вразумление уже еле слышимым шёпотом отходящий старик, – сечку из её делай. Может, Бог даст, и передюжит кормилица, а с ней и деток сбережёшь...

Послушалась свёкора Евтеиха, как звали Марию Прохоровну соседи, и всё-таки не смогла она оградить от пустоглазой гостии с косою младшенького двухлетнего сыночка Ванюшу со старшей, хворой от рождения, дочкой Варей – ненадолго они пережили дедушку. Горе горькое! Да, слава Богу, уцелели старший сын Никита, две дочки – подростковая Фрося и малолетняя Люба. Выжил и мужик её, Парфён, хотя, переболев тифом, от слабости еле волочил ноги, но всё равно грех на судьбу жаловаться – ведь могло быть и гораздо хуже. Зимой вот и вовсе чуть было все не перемерзли, как топить-то нечем стало и дров купить было не на что. Пришлось тогда баню разобрать на дрова. К весне подъели даже семенные зерно и картошку, сохранив, правда, картофельные очистки с почками, надеясь, что и они дадут всходы, коль посадить их вместо клубней. Неизвестно, оправдались бы эти надежды и чем бы питались люди в предстоящую зиму, оставшись к посевной без семян. Да, слава Богу, не дали загинуть крестьянству губернские власти – закупили на средства специально организованных фондов в других благополучных губерниях посадочный картофель, семена зерновых – ржи, пшеницы, овса, проса, ячменя, гороха – и выдали бесплатно всем нуждающимся.

Теперь уж, слава Богу, всё позади. Нынче-то точно можно сказать – трудно, горемычно, но перемогла семья Евтеихи суровое время. Видны на нынешний, по всему видать, отменный урожай зело хороши. В огороде новина так и прёт: лук зелёный хорош; репа дюже добра – на стол уже вполне сносна; щавель – в самый раз для щавелевых щей; морковь на грядках взошла и разлохматилась изумрудной ботвой очень густо – прореживать надо! Надёрганные морковинки, хотя пока бледные и тоньше мизинца, а уже в дело с пользой идут – сырыми дети с охотой хрумают, да и на заправку в похлёбки годятся. Важнее всего, однако, что дождались молодой картошки – подкапывай помаленьку, пусть мелковатые, но уже съедобные клубеньки – да в печь.

К общей радости семьи, избежавшая участи быть съеденной Чернуха оправилась на новотравье и радовалась своей коровьей жизнью в сильно поредевшем стаде, гулявшем по окрестным лугам в компании чудом выжившего молодого, но уже весьма озабоченного продлением

рода бычка, а значит, зачнёт не сегодня завтра кормилица телёночка и не останутся Евтеевы без молочка.

Вокруг русской печи

Главной неотъемлемой частью русского национального быта, той его части, коя обеспечивала благополучное выживание семьи в условиях северного климата, была, конечно же, печь, заметно отличающаяся от прочих и потому называемая русской. За долгие века своего бытования русская печь в своём устройении обрела способность наилучшим образом отвечать множеству человеческих потребностей. Именно русской печи на всём историческом протяжении – вплоть до середины XX века – по справедливости принадлежало первое место в иерархии рукотворных ценностей российского крестьянства. И разве могло быть по-другому? Конечно же нет! Ведь русская печь обогревала жилище; в ней готовили еду разными способами – варили, парили, жарили, пекли, томили; при крайней нужде, в отсутствие бани, зимами в печи мылись; на печи спали; печь лечила и детей, и взрослых от простуд, а стариков – от костной ломоты.

...В избе у Марии и Парфёна Евтеевых тоже, само собой, стояла русская печь, сложенная отцом Парфёна, покойным ныне Тимофеем Осиповичем, знаменитым и уважаемым печником, сложившим за свою жизнь, должно быть, около сотни голландок и русских, многие из коих по сию пору помнили его умелые, добрые руки. При всей схожести в печах разных мастеров, у Тимофея Осиповича в их устройении всё же были свои особенности, а потому и печи его работы нарекли в народе евтеевскими. Прежде всего печник Евтеев, в отличие от печей многих иных мастеров, свои ставил не на подпочвенный грунт, а на основание из камня-известняка. Печной под в русских печах Тимофей Осипович поднимал на пару вершков повыше, чтобы подпечек выходил тоже повыше и попросторней. В таком подпечке и больше дров для лучшей просушки помещается, а при зимнем окоте и ягнята с козлятами до поры могут разместиться, дабы не помёрзли в хлеву. Челю – переднюю сторону печи – он выкладывал так, что походило оно на лицо дородной круглолицей купчихи, будто открывшей рот – печной зев – не то шибко удивившейся чему-то, не то в готовности откусить большой кусок пирога, не то широко зевнувшей. Такому сходству немало способствовали и печурки – малые такие ниши в печной кладке, устраиваемые для большей теплоотдачи и расположенные не только с боков лежанки, как обычно, а ещё и как раз на тех местах, где у воображаемого лица должны быть брови; и выступающие, вроде губ, ряды кладки вокруг печного зева – купчихино рта. Лежанку своих печей Евтеев Тимофей делал так, чтобы на ней могли разместиться на ночлег без тесноты двое взрослых либо четверо детей разом. Однако не за все эти особенности ценил народ евтеевские печи, но в первую очередь за сугубую добротность. Они обогревали, кормили многие десятки лет, не давая трещин; а когда, по несчастью, случался пожар и дом сгорал дотла, печь оставалась целёхонькой. Потом уж вокруг уцелевшей печи дом отстраивался заново. Секрет же такого долголетия его печей состоял в том, что был покойный Тимофей Осипович не только редкостным знатоком и мастером в своём ремесле, умевшим отличить годный для кладки печи материал от негодного, а ещё и человеком с совестью, не позволявшей нечестного отношения к делу.

Бывало, позовут его печь сложить, похвастанут при том, мол, кирпич печной да клеймёный уже прикупили и привезли. Ладно, придёт к заказчикам – кирпич и вправду вон он лежит возле дома, в стопы сложенный. Другой-то печник на его месте и думать на предмет кирпича более не стал бы: каков в наличии – из такого и сложил. Но не из таковых был наш. Для своих печей он наперёд каждый кирпичик, хоть бы и с клеймом заводчика, со всех сторон внимательно обсмотрит; на руках взвесит; а иногда, по одному ему известным причинам, ещё и отколет молотком-кирочкой махонький кусочек от уголка и будет на поверхности скола что-то там высматривать; иной же раз и вовсе, держа кирпич на весу, легонько так ударит по его серединке, а часть-то кирпичей и не выдерживала даже такого лёгкого удара – разламывалась на две половинки. Вот так и отбракует до четверти купленного заказчиком кирпича.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.